

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО/
AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF THE PAST

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-94-104>
УДК 930.85

НЕСЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕЛЬЦА И СТАРОГО ОСКОЛА ПО ДАННЫМ
ПЕРЕПИСИ 1646 Г.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Булавина

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Ул. Коммунаров 28, Липецкая обл., Елец, 399770, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу неслужилых категорий населения Ельца и Старого Оскола по данным переписей 1646 г. Автор обращает внимание на важность изучения этой темы относительно изучения социальных процессов, происходящих на южной окраине Российского государства в первой половине XVII в. Отмечая общие недостатки и неполноту переписных книг, отмечается, что этот источник может быть основой для изучения общих тенденций в развитии региона, позволяет увидеть происходящие процессы и явления, которые он отчасти отражает. **Материалы и методы.** Работа строилась на систематизации и анализе полученных данных. Автор провел подсчеты населения по группам, выявил закономерности, совпадения и существенные отличия между двумя книгами. Сравнительный подход позволил получить основу для дальнейшего анализа и теоретических выводов. Для понимания исторических и социальных условий развития Ельца и Старого Оскола был применен контент-анализ. Это дало возможность не только обнаружить поверхностные сходства и различия, но и глубже понять суть происходивших перемен. **Результаты.** При общем сравнении данных становится очевидным, что к 1646 г. население Ельца существенно преобладало над населением Старого Оскола. Ключевую роль в этом сыграло географическое положение: Елец располагался на более отдаленном и выгодном расстоянии от опасных границ. В отличие от него, пограничный Старый Оскол чаще подвергался набегам со стороны татар. В более безопасном и лучше защищенном Ельце торгово-ремесленное население получило лучшие возможности для развития. Это, в свою очередь, стимулировало более быстрый рост его экономической мощи и, как следствие, численности жителей. Напротив, Старый Оскол был вынужден постоянно направлять ресурсы на оборону, что тормозило хозяйственное развитие и снижало привлекательность региона для переселенцев.

Заключение. Таким образом, демографическая разница между двумя городами ярко иллюстрирует влияние внешних угроз на формирование их внутреннего облика и экономического потенциала. Общими для всех городов были военная опасность и трудности экономического развития. Эти факторы, по нашему мнению, стали ключевыми в определении вектора развития южных рубежей России. Они оказывали существенное влияние на социальную структуру и экономическую активность как крупных центров, так и более мелких поселений региона.

Ключевые слова: переписные книги, хозяйственное освоение, Елец, Старый Оскол, подворные описания, социальная история, посадские люди

Для цитирования: Булавина А.А. (2026). Неслужилое население Ельца и Старого Оскола по данным переписи 1646 г.: сравнительный анализ // История: факты и символы. № 1 (46). С. 94-104. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-94-104

Конфликт интересов: А.А. Булавина является аспирантом Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина – учредителя журнала. Это не повлияло на решение редакции опубликовать данную статью.

Статья поступила: 14.11.2025

Статья принята в печать: 14.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Булавина А., 2026

THE NON-SERVICE POPULATION OF YELTS AND STARY OSKOL ACCORDING TO THE 1646 CENSUS: A COMPARATIVE ANALYSIS

A.A. Bulavina

Bunin Yelets State University,
Kommunarov Street 28, Lipetsk Region, Yelets, 399770, Russia

Abstract

Introduction. This article analyzes the non-service population of Yelets and Stary Oskol based on the 1646 census. The author draws attention to the importance of studying this topic in relation to the study of social processes occurring on the southern outskirts of the Russian state in the first half of the 17th century. While noting the general shortcomings and incompleteness of the census books, the author argues that this source can serve as a basis for studying general trends in the region's development, allowing one to understand the ongoing processes and phenomena that it partially reflects. **Materials and Methods.** The study was based on the systematization and analysis of the obtained data. The author conducted population counts by group, identifying patterns, similarities, and significant differences between the two books. A comparative approach provided a basis for further analysis and theoretical conclusions. Content analysis was used to understand the historical and social conditions of the development of Yelets and Stary Oskol. This made it possible not only to identify superficial similarities and differences but also to gain a deeper understanding of the underlying changes. **Results.** A general comparison of the data reveals that by 1646, the population of Yelets significantly outnumbered that of Stary Oskol. Geographic location played a key role in this: Yelets was located at a more remote and advantageous distance from the dangerous borders. In contrast, the border town of Stary Oskol was more frequently subject to Tatar raids. In the safer and better-defended Yelets, the trading and artisan population enjoyed greater opportunities for development. This, in turn, stimulated the rapid growth of its economic power and, consequently, its population. In contrast, Stary Oskol was forced to constantly devote resources to defense, which hindered economic development and reduced the region's attractiveness to settlers. **Conclusion.** Thus, the demographic difference between the two cities vividly illustrates the influence of external threats on the formation of their internal character and economic potential. Common to all cities were the threat of war and difficulties in economic development. These factors, in our opinion, were key in determining the development vector of Russia's southern borders. They had a significant impact on the social structure and economic activity of both large centers and smaller settlements in the region.

Keywords: Census books, economic development, Yelets, Stary Oskol, household descriptions, social history, tradesmen

For citation: Bulavina, A.A. (2026). The Non-Service Population of Yelets and Stary Oskol According to the 1646 Census: A Comparative Analysis In *History: Facts and Symbols*, 1 (46), pp. 94-104. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-94-104

Conflict of interest: A.A. Bulavina is a graduate student at the Bunin Yelets State University, the journal's founder. This did not influence the editorial board's decision to publish this article.

Article received: 14.11.2025

Article accepted: 14.01.2026

Article published: 17.03.2026

© Bulavina, A., 2026

1. Введение

В конце XVI в. Россия начала строительство военных крепостей для расширения и защиты своих южных окраин. В 1584 г. была проведена реорганизация сторожевой службы, контролировавшей закрепленные за ней степные просторы Поля [6, с. 93-187]. Вскоре удалось собрать исчерпывающие сведения о численности, состоянии и дислокации сторожевых отрядов, а также об основных направлениях татарских набегов в регионе. Это позволило пересмотреть линии разъездов, и в 1593 году, учитывая военно-стратегическую обстановку. После этого началось строительство городов-крепостей: Воронеж (1586), Ливны (1586), Елец (1592), Оскол (сегодня – Старый Оскол) (1596), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599) и Царев-Борисов (1599) [4, с. 11-12; 6, с. 80-90].

Старый Оскол стал одним из самых отдаленных форпостов Москвы на территории Поля, что во многом определило особенности его дальнейшего развития. Он был возведен на холмистой Скороднянской возвышенности, отличающейся чертой которой был крутой обрыв к правому берегу реки Оскол. Прочие реки Донской системы, протекающие на Оскольской земле, принадлежат большей частью к числу притоков Северного Донца [19, с. 120]. Присутствие сплошного леса и обширного водного пространства с Малым Осколом – большим северным притоком реки Оскольцом, создавала благоприятные условия для жизни. Линия сторож в этом месте теперь оказалась выдвинута гораздо далее в степь. Две реки, протекающие в городе, и наличие лесных преград гарантировало естественную неприступность к крепости от набегов. Крепость вскоре стала местом стоянки «станичного головы» И.Н. Мясного. Со временем крепость стала важным пунктом для дипломатических контактов России и Крымского ханства, отсюда шла дорога из Волук на Ливны, в сторону Тулы [1, с. 128].

Елецкая крепость появилась на южном направлении в 1592 г. из соображений внешнеполитического характера, в целях обеспечения безопасности центральных районов от ударов татарских войск [3; 14]. По решению Боярской думы начало строительства относится к декабрю 1591 г. Новый город возник на месте татарского брода, там, где р. Елец (сегодня – Ельчик) впадала в р. Быстрая Сосна. Он сразу стал важным военным центром, довольно крупным для своего региона [13, с. 10-23].

К началу XVII века территория, ныне составляющая Центральное Черноземье, формально принадлежала Московскому государству. Однако на деле это были бескрайние, почти безлюдные степи, лишь изредка прерываемые немногочисленными русскими крепостями. Эти крепости, служившие опорными пунктами для патрулирования и несения сторожевой службы, требовали непрерывного снабжения продовольствием и значительных финансовых затрат. Местное население, оказавшееся на переднем рубеже постоянных степных войн, находилось в крайне уязвимом положении. Развитый местный рынок и устойчивое сельское хозяйство в этих землях еще только предстояло создать [7, с. 195]. Однако постепенно вокруг новых крепостей формировалась система сельских поселений, а затем образовались собственные уезды. Несмотря на безусловное преобладание военных категорий в этих городах-крепостях, здесь со временем появилось и неслужилое (торгово-ремесленное) население. Из-за военной опасности оно не могло быть значительным, но все-таки это был показатель экономического развития, связанного с появлением рынка и увеличением распахки ближайших земель.

Первые посадские слободы в крупнейших крепостях появились в 1613–1620 годах [3, с. 62]. Это стало важным этапом урбанизации, поскольку наличие торгово-ремесленного слоя считалось ключевым признаком города в XVII веке [25]. О «городе» в экономическом смысле можно говорить лишь в том случае, если население удовлетворяет свои повседневные потребности за счет местных ресурсов или же тех, что привезены для продажи на рынке [12]. В экономическом смысле город – это поселение, чье население обеспечивает свои повседневные нужды за счет местных ресурсов или товаров, предназначенных для продажи на рынке. Однако в XVII веке понятие «город» было шире: под этим термином подразумевались крупные поселения со значительными военными укреплениями, выполнявшие роль административных и военных центров уездов.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашей статьи стали переписные книги 1646 г., составленные в ходе проведения первой всеобщей подворной переписи. Елецкая перепись была составлена князем Ф.П. Барятинским и подьячим Дмитрием Болотовым. Целью их работы был подсчет населения мужского пола, включая детей, и описание по дворам податного населения. Используемая рукопись хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, фонд 1209)¹. Она представляет собой чистовую копию, написанную черными чернилами, почерком, типичным для своего времени. Преамбула указывает на время указа о переписи – 25 февраля 1646 г. Интересующая нас информация о населении города содержится на листах 36 об. – 60, то есть занимает в общей сложности 24 листа. Старооскольская переписная книга была опубликована в 2017 г. А.П. Никуловым [22]. Ее объем составляет 102 листа. Публикация снабжена исследованием документа и его общей характеристикой. В данных документах содержится информация, описывающая население города, она находится в условной первой части каждой книги (после преамбулы и перечня помещиков уезда).

Основной методикой работы являлись систематизация и анализ полученных данных. Были проведены подсчеты населения по группам, выделены закономерности, совпадения двух книг и их заметные отличия. Сравнительный подход позволил получить данные, используемые для анализа и теоретических выводов. Далее, для понимания исторических условий и социальной истории Ельца и Старого Оскола, были применены методы контент-анализа. Это позволило не только выявить поверхностные сходства и различия, но и проникнуть в суть происходящих в середине XVII в. перемен, оценить влияние исторических и военных факторов на состав населения.

Следует отметить, что степень достоверности переписных книг 1646 г. относительна. С момента их изучения Я.Е. Водарским считается, что она составляет примерно 70% (правда ученый изучал переписные книги 1678 г.) [2]. В.Н. Глазьев, детально изучивший и издавший перепись по Воронежскому уезду, отметил, что по она составляет 70% [20, с. 23]. В свою очередь Д.А. Ляпин пришел к выводам, что по Елецкому уезду эта цифра может быть снижена до 65% [11; 15; 16]. Итак, мы не считаем, что полученные численные выводы полностью достоверны, но тем не менее, для нашего исследования прежде всего важно отметить общие тенденции, социальные явления, происходящие в городах-крепостях, отражающие их экономическое развитие на определенном историческом этапе (с момента строительства). Полученные цифры, основанные на анализе данных, фиксируют важные процессы и используются только в этом отношении. Они указывают на направление изменений, а не являются точным показателем состава и численности. Мы осознаем ограничения методологии и доступности источников, но именно эти ориентиры позволяют нам выстраивать гипотезы.

Прежде чем перейти к анализу переписных книг по Старому Осколу и Ельцу, скажем несколько слов об обобщающих трудах на эту тему, описывающих исторический контекст для нашей работы. В частности, следует обратить внимание на мнение В.О. Ключевского, который

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.

сравнил учитываемое тягло, взимавшееся с неслужилого населения, напрямую с прямыми налогами. В своём курсе лекций он подчеркнул, что последнее дополнялось государственными потребностями обязать граждан к общественным работам, что стало главным основанием в укладе жизни XVII в. податного населения [8, с. 352]. Важно, что историк определил тесную связь особенностей налогообложения с составом населения, попадавшего на страницы переписных книг. Следовательно, переписи не имели целью фиксацию всего состава подданных московского самодержца.

В исследовании А.С. Лаппо-Данилевского показано, как развитие системы налогообложения влияло на состав переписей и развитие социальных групп, связанных с ремеслами и торговлей [10, с. 42]. Государство в XVII в. пришло к постепенному осознанию важности этого слоя лиц не только в крупных городах и богатых регионах, но даже на окраинах, где они проявляли активность и, следовательно, облагались налогами.

Исследование П.П. Смирнова о посадских людях показывает их как неотъемлемую часть в развитии городского хозяйства. Согласно его мнению, посадские люди к середине XVII в., даже на южной окраине, смогли создать свои общины и вступить в борьбу с «белыми» слободами, за которыми стояли московские аристократы, прежде всего Романовы. П.П. Смирнов выдвинул идею о том, что посадские люди являлись естественными союзниками воцарившегося в 1645 г. Алексея Михайловича, поскольку в их интересах была борьба с «белыми слободами», затеянная главой правительства Б. И. Морозовым [23, с. 192]. Перепись 1646 г. должна была начать процесс вытеснения освобожденных от налогов «белых» слобод города, давая возможности для развития рядовым посадским («чёрным») людям.

Относительно Юга России неслужилое население было в центре внимания серии статей Д.А. Ляпина и Н.А. Жирова. В них отмечались особенности преобразования степной крепости в целостный город, с преобладающим торгово-ремесленным населением. Они собрали богатый фактический материал и привели много фактов о постепенной эволюции городов, которая происходила на протяжении XVII-XVIII вв. [16; 18]. Между прочим, было отмечено что середина XVII в. была важным временем перемен в жизни посадского населения южной окраины, когда правительство начало борьбу с льготами и «белыми» слободами. Можно привести еще более ранние замечания по этому же поводу Д.А. Ляпина, рассмотревшего народные волнения в городах Юга России в 1648-1650 гг. Отмечая особенности социальной обстановки он указывал на то, что реформы правительства Б.И. Морозова способствовали процессу преобразования крепостей в города, который был впоследствии прерван [17]. Посадские общины не получили в итоге необходимой поддержки.

3. Результаты

Итак, обратимся к сравнительному анализу переписных книг Старого Оскола и Ельца 1646 г., основанному на специально проведенных для этого подсчетах по обозначенной выше методике.

В Старом Осколе, согласно переписи, находились следующие категории, условно, относящие к неслужилым: священнослужители, посадские торговые люди, ремесленные люди детей боярских, «вольные люди», церковные бобыли. В процентном соотношении они представлены в диаграмме 1.

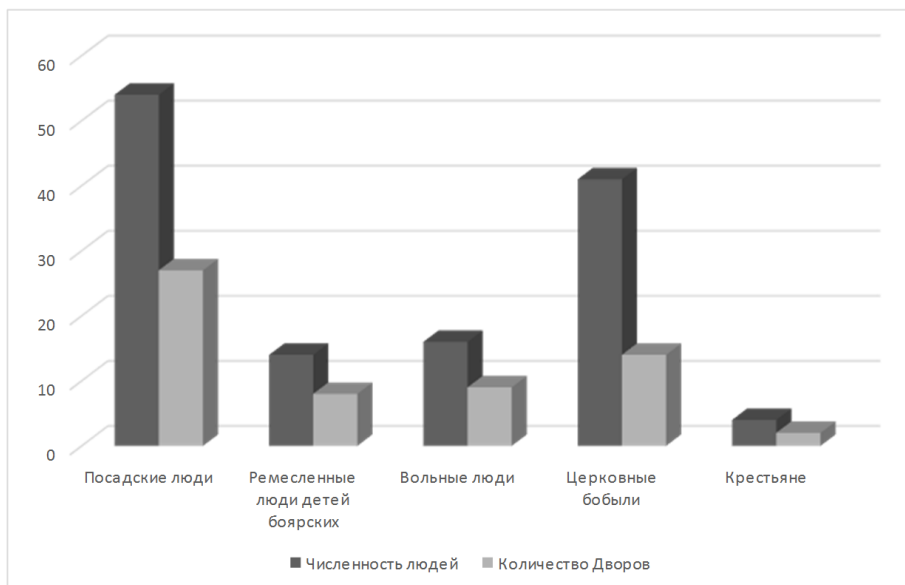

Диаграмма 1. Неслужилые категории населения Старого Оскола по данным переписной книги 1646 г.

Как видим, преобладающей категорией были посадские люди, в процентном отношении они занимали 40%, на втором месте следовали церковные бобыли – 30%, а третьей по численности группы были «вольные люди» – 12%. Оставшиеся 18% распределялись между менее многочисленными категориями, такими как ремесленники, торговцы и крестьяне, чья доля в общем составе населения была незначительной, но, тем не менее, играла свою роль в экономической и социальной структуре города. Упоминания о женщинах в источнике единичны, это всегда были вдовы или незамужние дочери. После смерти мужа женщина официально становилась во главе двора. Ее положение, однако, не всегда означало полную самостоятельность; зачастую она действовала под опекой ближайших родственников мужского пола, будь то братья покойного супруга или ее собственные сыновья, достигшие совершеннолетия. Русское общество в XVII в. было патриархальным, что хорошо известно [9, с. 113-158]. Женщины редко упоминались в переписных книгах, почти не подавали челобитные и лишь в исключительных случаях участвовали в гражданских делах. Их присутствие в документах чаще всего фиксировалось в статусе вдовы. Только в этом качестве женщина признавалась главой семьи и получала определенный набор прав. Государство видело в этом практическую выгоду: вдовы были обязаны уплачивать налоги.

Подсчеты показывают, что в среднем во дворе Старого Оскола проживало всего два мужчины. Предположив, что женщин было примерно столько же, получаем около четырех человек на двор – немного по меркам того времени. Однако следует учитывать неполноту переписей. Если реально они писывали только 65-70%, то численность состава двора могла достигать до 6 человек. Тем не менее, эти выводы носят скорее теоретический характер.

В переписной книге Ельца зафиксировано семь категорий неслужилого населения: посадские люди, монастырские, церковные бобыли, бобыли из стрелецких и казачьих земель, дворники-бобыли из осадных дворов и дворники из слободы боярина Н.И. Романова. Эти категории, как показывает анализ, отличаются от населения Оскола (см. Диаграмму 2).

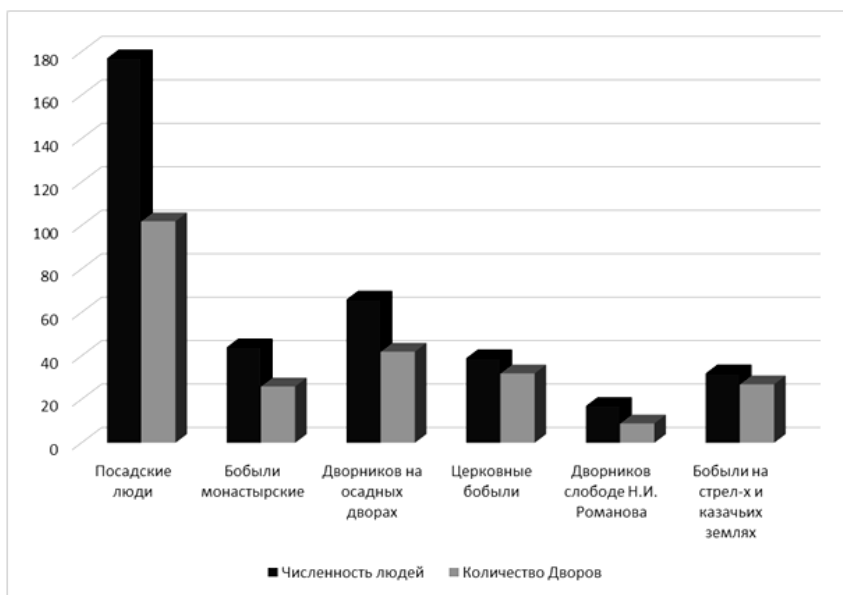

Диаграмма 2. Неслужилые категории населения Ельца по данным переписной книги 1646 г.

Преобладающей группой в городе были посадские люди «новооброчных» слобод, они составляли 47% от общего числа. Все остальные категории населения были примерно одинаковы по своей численности. Обращает на себя внимание наличие в Ельце дворов, принадлежавших боярину Никите Ивановичу Романову (двоюродному брата царя Алексея Михайловича). В его девяти дворах находились 17 человек, плотность здесь составила примерно 1,8 человек, т.е. еще меньше, чем в Старом Осколе, но реально эту цифру, конечно, можно увеличить в несколько раз. Сравнивая общую численность неслужилого населения в двух городах, отметим безусловное лидерство Ельца: здесь проживали 375 человек, а в Осколе – 129 человек. Посадские люди (рядовое торгово-ремесленное население) среди неслужилых категорий преобладали в обоих городах.

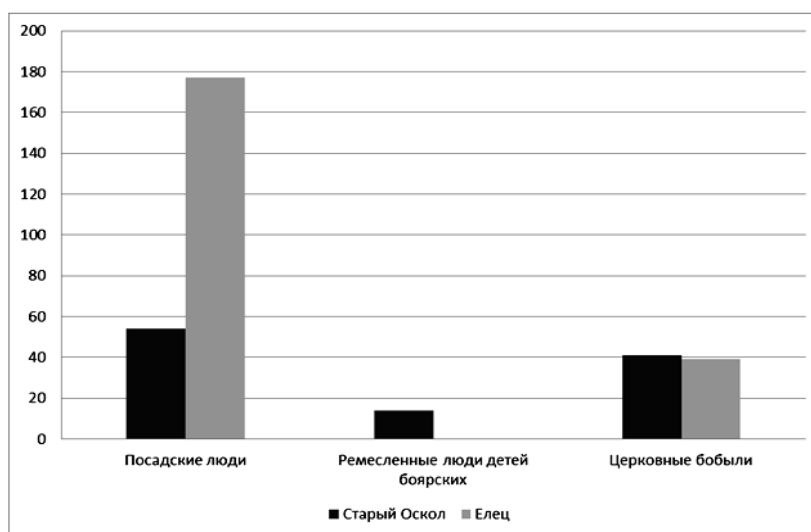

Диаграмма 3. Итоговое сравнение данных о неслужилом населении Ельца и Старого Оскола 1646 г.

Сделанные сравнения позволяют обратить внимание на особенности рассмотренных городов-крепостей. Очевидно, что ремесленные люди из детей боярских составляли отличительную черту Старого Оскола, находящегося на самом краю южных рубежей. Гипотетически можно предположить, что полноценное развитие местного рынка было затруднено из-за военной опасности, поэтому необходимых предметов быта и хозяйства не хватало, при том, что город был еще и заметным посольским центром, где нужно было обслуживать проходящие делегации. В таких условиях, вероятно, многие из обеспеченных детей боярских старались содержать собственных ремесленников, которые могли выполнять работу и для других за плату.

Еще одна особенность – наличие дворников (холопов) в Ельце и их отсутствие в Старом Осколе. По всей видимости, причина этого в том, что некоторые елецкие помещики были достаточно богаты, чтобы содержать в городе дворы и холопов. Дворы могли использоваться в случае осады или для хозяйственных нужд. Дворники в любом случае были показателем высокого статуса.

4. Заключение

При общем сравнении данных, отметим, что население Ельца к 1646 г. существенно преобладало над Старым Осколом. В силу географического местоположения Елец находился на отдаленном, более выгодном, расстоянии от опасных границ. Пограничный Оскол чаще подвергался набегам со стороны татар. В более безопасном и лучше защищенном городе торгово-ремесленное население имело большие возможности для развития. Это, в свою очередь, способствовало более быстрому росту его экономической мощи и, как следствие, численности жителей. Население Старого Оскола вынуждено было постоянно направлять ресурсы на оборону, что замедляло хозяйственное развитие и привлекательность региона для переселенцев. Таким образом, разница в демографических показателях двух городов наглядно демонстрирует влияние внешних угроз на формирование их внутреннего облика и экономического потенциала.

В заключении еще раз отметим, что приведенные нами данные основаны только на цифрах переписных книг 1646 г. В науке высказывалось мнение об относительности их сведений. Однако наше исследование связано с описанием общих тенденций, а также существовавших групп населения в их приблизительном соотношении. Очевидно, что Елец, основанный примерно в одно время с Осколом, добился больших успехов в своем развитии, поскольку наличие посадского населения является показателем успехов экономики в целом.

Тем не менее проблемы были общими для обоих городов. Они заключались в военной опасности и трудностях развития местной экономики. Именно эти факторы, на наш взгляд, определяли вектор развития южных рубежей России в целом, накладывая отпечаток на социальную структуру и экономическую активность как крупных центров, так и более мелких поселений этого региона. Дальнейшее изучение архивных материалов, в том числе переписей и документов по другим городам, касающихся хозяйственной деятельности, может бы пролить свет на динамику этих процессов и выявить местные особенности эволюции каждого из городов в условиях постоянной пограничной жизни.

Список источников и литературы

1. Виноградов, А. В. (2024). *Русско-крымские отношения (1598-1619)*. М.: Весь мир. 564 с.
2. Водарский, Я. Е. (1968). *К вопросу о достоверности переписных книг XVII в.* // История СССР. № 2. С. 133–143.
3. Глазьев, В. Н. (2001). *Власть и общество на юге России в XVII в.* Воронеж: ВГУ. 402 с.
4. Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – начале XVIII вв.* Воронеж: ВГУ. 342 с.

5. Загоровский, В. П. (1991) *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства*. Воронеж: ВГУ. 503 с.
6. Загоровский, В. П. (1971). *О древнем Воронеже и слове «Воронеж»: Историко-географическое исследование*. Воронеж: ВГУ. 105 с.
7. Зенченко, М. Ю. (2008). *Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.* М.: Памятники исторической мысли. 223 с.
8. Ключевский, В. О. (1989). *Сочинения*. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. Послесл. Р.А. Киреевой. Коммент. составили В. Г. Зимина, Р. А. Киреева. М.: Мысль. 476 с.
9. Коллманн, Н. Ш. (2001). *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени* / пер. с англ. А. Б. Каменский; науч. ред. Б. Н. Флоря. М.: Древлехранилище. 459 с.
10. Лаппо-Данилевский, А. С. (1890). *Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований*. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. 557 с.
11. Ляпин, Д. А. (2024). *Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг.* // Вестник архивиста. № 1. С. 43–56.
12. Ляпин, Д. А. (2017). *Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков* // Гуманитарные и юридические исследования. № 3 (45). С. 57-64.
13. Ляпин, Д. А. (2011). *История Елецкого уезда в XVI-XVII веках*. Тула: Гриф и Ко. 204 с.
14. Ляпин, Д. А. (2020). *На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке*. СПб.: Дмитрий Буланин. 412 с.
15. Ляпин, Д. А. (2025). *Подворные переписи как источник по истории хозяйственного освоения Черноземного региона России* // Научный вестник Крыма. № 3 (56). С. 23-29.
16. Ляпин, Д. А. (2022). *Социальный состав и динамика численности сельского населения региона Белгородской черты во второй половине XVII века* // Filo Ariadne. № 2. С. 136-150.
17. Ляпин, Д. А. (2016). *Тяглые и частновладельческие дворы в городах России в середине XVII в. (по материалам городов-крепостей средней Оки и верхнего Дона)* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 22 (243). С. 94-100.
18. Ляпин, Д. А., Жиров Н. А. (2016). *Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца)* // Гуманитарные и юридические исследования. № 3. С. 93-97.
19. Папков, А. И. *Основание Белгорода* (2002). // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей в 2 т. Т. 2. / под ред. А. Н. Наумова. Тула: Куликово поле. С. 103—113.
20. *Переписная книга Воронежского уезда 1646 года* (1998) / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж: ВГУ. 402 с.
21. *Переписная книга 1646 года [текст и комментарий]* (2017) / А. П. Никулов. М.: РОСА. 228 с.
22. Раздорский, А. И. (2015). *О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов)* // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города: Сборник научных статей Всероссийской конференции. Курган: Курганский Дом печати. С. 190–201.
23. Смирнов, П. П. (1947). *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.* М.: Наука. Т. 2. 567 с.

24. Солодкин, Я. Г. (2002). *К ранней истории Оскола и Царева-Борисова* // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: сб. статей в 2 т. Т. 2. / под ред. А. Н. Наумова. Тула: Куликово поле. С. 97–103.

25. Щавелев, А. С. (2018). «Город»: к деконструкции спорного историографического концепта // *Пространство и урбанизм. Образы, структуры и символы*. М.: ИВИ РАН. С. 44–47.

References

1. Vinogradov, A. V. (2024). *Russko-kry`mskie otnosheniya (1598-1619)* [Russian-Crimean relations (1598-1619)]. Moscow: Ves` mir. 564 p. (in Russian).

2. Vodarskij, Ya. E. (1968). *K voprosu o dostovernosti perepisny`x knig XVII v.* [On the Question of the Reliability of the Census Books of the 17th Century] In *Istoriya SSSR*, 2, 133–143. (in Russian).

3. Glaz`ev, V. N. (2001). *Vlast` i obshhestvo na yuge Rossii v XVII v.* [Power and Society in the South of Russia in the 17th Century] Voronezh: VGU. (in Russian).

4. Glaz`ev, V. N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uezda v konce XVI – nachale XVIII vv.* [Essays on the History of the City of Voronezh and the Voronezh District in the Late 16th – Early 18th Centuries] Voronezh: VGU. (in Russian).

5. Zagorovskij, V. P. (1991) *Istoriya vxozhdeniya Central`nogo Chernozem`ya v sostav Rossijskogo gosudarstva.* [The History of the Inclusion of the Central Black Earth Region into the Russian State] Voronezh: VGU. (in Russian).

6. Zagorovskij, V. P. (1971). *O drevnem Voronezhe i slove «Voronezh»: Istoriko-geograficheskoe issledovanie.* [About Ancient Voronezh and the Word "Voronezh": A Historical and Geographical Study] Voronezh: VGU. (in Russian).

7. Zenchenko, M. Yu. (2008). *Yuzhnoe rossijskoe porubezh`e v konce XVI—nachale XVII v.* [The Southern Russian Borderland in the Late 16th – Early 17th Century] Moscow: Pamyatniki istoricheskoy my`sli. (in Russian).

8. Klyuchevskij, V. O. (1989). *Sochineniya. T. VI Special`ny`e kursy`* [Works. Vol. V. L. Special Courses] / Pod red., V.L. Yanina Poslesl. P.A Kireevoj Komment. sostavili V. G. Zimina, R. A. Kireeva. Moscow: My`sli. (in Russian).

9. Kollmann, N. Sh. (2001). *Soedinenny`e chest`yu. Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii ranego novogo vremeni* [United by Honor. State and Society in Early Modern Russia] / per. s angl. A. B. Kamenskij ; nauch. red. B. N. Florya. Moscow: Drevlexranilishhe. (in Russian).

10. Lappo-Danilevskij, A. S. (1890). *Organizaciya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty` do e`poxi preobrazovanij* [Organization of Direct Taxation in the Muscovite State from the Time of Troubles to the Era of Reforms] St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skoroxodova. (in Russian).

11. Lyapin, D. A. (2024). *Landratskie knigi istoricheskogo regiona Belgorodskoj cherty` 1716–1719 gg.* [Landrat Books of the Historical Region of the Belgorod Line, 1716–1719] in *Vestnik arxivista*, 1, 43–56. (in Russian).

12. Lyapin, D. A. (2017). *Urbanizaciya Central`no–Chernozemnogo regiona v konce XVI – nachale XVIII vekov* [Urbanization of the Central Black Earth Region in the Late 16th – Early 18th Centuries] in *Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya*, 3, 57–64. (in Russian).

13. Lyapin, D. A. (2011). *Istoriya Eleczkogo uezda v XVI-XVII vekax* [History of the Yelets District in the 16th–17th Centuries]. Tula, Grif i Ko. (in Russian).

14. Lyapin, D. A. (2020). *Na okraine czarstva: povsednevnyaya zhizn` naseleniya Yuga Rossii v XVII veke* [On the Outskirts of the Kingdom: Everyday Life of the Population of Southern Russia in the 17th Century]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (in Russian).

15. Lyapin, D. A. (2025). *Podvornny`e perepisi kak istochnik po istorii zozyajstvennogo osvoeniya Chernozemnogo regiona Rossii* [Household censuses as a source for the history of econom-

ic development of the Black Earth Region of Russia] in *Nauchnyj vestnik Kry`ma*, 3 (56), 23-29. (in Russian).

16. Lyapin, D. A. (2022). *Social'nyj sostav i dinamika chislennosti sel'skogo naseleniya regiona Belgorodskoj cherty` vo vtoroj polovine XVII veka* [Social composition and dynamics of the rural population of the Belgorod border region in the second half of the 17th century] in *Filo Ariadne*, 2, 136-150. (in Russian).

17. Lyapin, D. A. (2016). *Tyagly`e i chastnovladel`cheskie dvory` v gorodax Rossii v seredine XVII v. (po materialam gorodov-krepostej srednej Oki i verxnego Dona)* [Tax-bearing and privately owned households in Russian cities in the mid-17th century (based on materials from the fortified towns of the middle Oka and upper Don)] in *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologiya*, 22 (243), 40, 94-100. (in Russian).

18. Lyapin, D. A., Zhirov N. A. (2016). *Dinamika chislennosti naseleniya Yuga Rossii v konce XVI – nachale XVIII vv. (na primere El`cza)* [Population Dynamics in Southern Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries (Based on Yelets)] in *Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya*, 3, 93-97. (in Russian).

19. Papkov, A. I. (2002). *Osnovanie Belgoroda* [The Foundation of Belgorod] in *N. I. Troickij i sovremenny`e issledovaniya istoriko-kul`turnogo naslediya Central`noj Rossii*, 2. / pod red. A. N. Naumova. Tula: Kulikovo pole, 103–113. (in Russian).

20. *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda (1998)*. [The Census Book of the Voronezh District of 1646] / Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat`ya i primechaniya V.N. Glaz`eva. Voronezh: VGU. (in Russian).

21. *Perepisnaya kniga 1646 goda [tekst i kommentarij] (2017)* [The Census Book of 1646] / Seriya «Oskol'skie drevnosti» (arxivny`e materialy` XVII veka) Chast` III / A. P. Nikulov. Moscow: ROSA. (in Russian).

22. Razdorskij, A. I. (2015). *O vremeni sushhestvovaniya sovremennogo Kurska (k voprosu o xronologicheskix razry`vax v istorii nekotory`x russkix gorodov)* [On the Existence of Modern Kursk (On the Chronological Gaps in the History of Some Russian Cities)] in *Istoricheskaya urbanistika : proshloe i nastoyashhee goroda: Sbornik nauchny`x statej Vserossijskoj konferencii*. Kurgan: Kurganskij Dom pečati, 190–201. (in Russian).

23. Smirnov, P. P. (1947). *Posadskie lyudi i ix klassovaya bor`ba do serediny` XVII v.* [Tradespeople and Their Class Struggle up to the Mid-17th Century.] Moscow: Nauka, 2.

24. Solodkin, Ya. G. (2002). *K rannej istorii Oskola i Czareva-Borisova* [On the early history of Oskol and Tsarev-Borisov] in *N. I. Troickij i sovremenny`e issledovaniya istoriko-kul`turnogo naslediya Central`noj Rossii*, 2 / pod red. A. N. Naumova. Tula: Kulikovo pole, 97–103. (in Russian).

25. Shhavelev, A. S. (2018). «Gorod»: *k dekonstrukcii spornogo historiograficheskogo koncepta* [“City”: towards the deconstruction of a controversial historiographical concept] in *Prostranstvo i urbanizm. Obrazy`, struktury` i simvoly`*. Moscow: IVI RAN, 44–47. (in Russian).